

А. А. АХМАТОВА

Данте

Я счастлива, что в сегодняшний торжественный день могу [и должна] засвидетельствовать, что вся моя сознательная жизнь прошла в сиянии этого великого имени, что оно было начертано вместе с именем другого гения человечества — Шекспира на знамени, под которым начиналась моя дорога, и вопрос, который я посмела задать Музе, тоже содержит это великое имя — Данте.

<И вот вошла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня.
Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?» Отвечает: «Я»>.

Гвельфы и гиб<еллины> давно стали достоянием истории, белые и черные — тоже, а явление Б<еатриче> в XXX песне «Чис<тилища>» — это явление навеки, и до сих пор перед всем миром она стоит под белым покрывалом, подпоясанная оливковой ветвью, в платье цвета живого огня и в зеленом плаще*.

И для тех, кто был тогда со мною рядом, величайшим недосыгаемым Учителем был суровый Алигиери, и между двух флорентийск<их> костров¹ Гумилев видит, как

Изгнанник бедный Алигиери
Стопой неспешной сходит в ад.

* *Sopra candido vel cinta d'oliva
Donna m'apparve, sotto verde manto
Vestita di color di flamma viva (um.).*

[А другой мой друг и товарищ] Осип Мандельштам, положивший годы на изучен<ие> Д<анте>, пишет в стихах

<С черствых лестниц, с площадей с неуклюжими дворцами
Круг Флоренции своей Алигьери пел мощней
Утомленными губами —>

и в прозе <...> замечательный трактат «Разговор о Данте», уже переведенный на англ<ийский> язык.

Подвиг — перевод бессмертных терцин «Божественной Комедии» на русский язык — победоносно завершён другом [всей моей жизни] нас всех М.Л. Лозинским [а я сама соединила]. Эта работа была в моей стране высоко оценена критикой и читател<ем>².

Все мои мысли об искусстве и родине я соединила в стихах, освещенных тем же великим именем.

Он и после смерти не вернулся
<В старую Флоренцию свою.
Этот, уходя, не оглянулся,
Этому я эту песнь пою.
Факел, ночь, последнее объятье,
За порогом дикий вопль судьбы.
Он из ада ей послал проклятье
И в раю не мог ее забыть, —
Но босой, в рубахе покаянной,
Со свечой зажженной не прошел
По своей Флоренции желанной,
Вероломной, нежной, долгожданной...>

Из прощанья с дантовским годом ...и когда недоброжелатели насмешливо спрашивают: «Что общего между Гум<илевым>, Манд<ельштамом> и Ахм<атовой>?» — мне хочется ответить: «Любовь к Данте». Недаром Н<иколай> С<тепанович> хотел чуть не до последней минуты свою книгу «Огненный столп» назвать «Посередине странствия земного» («Nel mezzo del cammin di nostra vita»³), и я в 40-м году, отрекаясь от всего после годов Requiem, когда я была там, где человек быть не должен, говорю:

«Мне ничего на земле не надо — Ни громов Гомера,
ни Дантова дива...»⁴,

а в «Оде к д'Аннунцио» Гумилев снова обращается к Данте в связи с судьбой поэтов⁵. <...>

Поистине этот Человек победил смерть и ее верную служанку — забвение.

Вот он уже <у> Петрарки в любовной ладье <в> «Триумфе любви»⁶. «Dante con Beatrice»⁶. <...> Вот у своего первого биографа Боккачио <...>, а вот как горный гром, нарастая и потрясая все вокруг, поет волшебный [сотворенный], иссеченный из муки и гордыни, бессмертный сонет Микеланджело <...>: «Отсюда в черный он сошел обрыв» — ничуть не меньшее чудо, чем его «Ночь», «Моисей» или «Давид»⁷.

И вот уже терцины наизусть вдохновенно читает другой гениальный италианец, но не волшебник⁸ XVI века, а тот, кто до сих пор иногда снится мне под каштанами посмертно завоеванного им Парижа — нищий и свободный, знающий об искусстве что-то, чего «нельзя ни вспомнить, ни забыть».

Я, наверно, упомянула об одной сотой несмолкаемой переклички, облагораживающей мир и которая не смолкнет *никогда*.

А сам он был так скромн, что просит прощения за упоминание своего собственн<ого> имени всего один раз в XXX строфе «Чистилища»⁹:

<Дант, оттого, что отошел Вергилий,
Не плачь, не плачь еще; не этот меч
Тебе для плача жребии судили >.

Мы прощаемся с дантовским годом, но не прощаемся с самим Данте, и пусть [его] тень с орлиным профилем указывает путь нашим юным поэтам (аввакумовцам)¹⁰.

* * *

Брунетто Латини — учитель Данте.

Кажется ли мне или в самом деле Д<анте> говорит «вы» только одному человеку во всей Комедии — своему учителю Брунетто Латини. Меня это почему-то всегда безмерно трогало.

1965

